

УДК 82.09

РАЗВИТИЯ ЧЕХОВСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА (к 65-летию со дня рождения писателя)

Н.В. Аракелян

кафедра русского языка и литературы

Сергей Донатович Довлатов относится к тем писателям русского зарубежья, которых вернула читателю горбачевская перестройка конца 80-х годов XX века. Родившийся и проживший свою молодость в Ленинграде, он эмигрировал в США, когда окончательно рухнула надежда интеллигенции на коренные преобразования советского строя, надежда, которая возникла в результате непродолжительной хрущевской «оттепели». Довлатов представляет поколение так называемых «шестидесятников», чья юность совпала с послевоенным временем и развенчанием сталинского культа личности.

В начале 70-х годов разочарования в советской системе, гонения и запреты породили целый поток эмиграции мыслящих людей из СССР, получивший название «третьей волны» (первая волна эмиграции началась после октября 1917 года, вторая возникла в конце второй мировой войны). Третья волна отличалась от двух предыдущих тем, что вынесла за пределы страны в основном представителей творческой интеллигенции – ученых, писателей. Произошла так называемая «утечка мозгов» из СССР. Так, за границу уехали А. Солженицын, И. Бродский, В. Аксенов и многие другие. Русский писатель с армянской фамилией Сергей Довлатов также оказался в их числе. Довлатов – фамилия матери – армянки была дана будущему писателю с обоюдного согласия родителей, которые решили, что в Советском Союзе их сыну будет легче жить с армянской фамилией, нежели с еврейской (фамилия отца писателя – Мечик).

Долгое время Довлатов не придавал особого значения своему армянскому происхождению, он всегда ощущал себя «гражданином мира». По призванию писателя, только после знакомства с Грантом Матевосяном, чей патриотизм произвел на него сильное впечатление, Довлатов впервые заговорил о своих армянских корнях. Интерес к армянам и Армении возник у него также в связи с национально-освободительным движением в Карабахе. Тем не менее, не будем впадать в соблазн и считать Сергея Довлатова армянским писателем. Он – русский писатель, который жил и творил за рубежами России, за «железным занавесом».

Проживший короткую жизнь (писатель умер в 1990 году в Нью-Йорке), С. Довлатов в настоящее время является одним из самых читаемых русских прозаиков в мире, чьи книги переведены на множество языков и неоднократно переиздаются. То есть, исполнилась мечта Довлатова. Он стал массовым писателем, потому что всегда был убежден, что книги надо писать понятные и интересные большинству людей. Проза Довлатова, его рассказы и повести далеки от так называемой элитарной литературы, литературного снобизма, который нередко проявляется в нарочитой сложности и заумности. «Сложное в литературе доступнее простого» – утверждает писатель в своих «Записных книжках». И действительно, проза Довлатова предельно проста, но отнюдь не примитивна. Это та простота, о которой говорят «божественная».

Хотя в основе почти всех произведений Сергея Довлатова лежат факты и события из жизни самого писателя, его друзей и родных, Довлатова нельзя назвать документалистом. Не случайно, сам Довлатов называл свои книги «псевдодokumentалистикой», так как цель писателя не в том, чтобы скрупулезно перечислить факты, а в том, чтобы передать дух и ощущение реальности на примере жизни представителей поколения 60-х, многие из которых затем стали эмигрантами. Герои Довлатова настолько реалистичны, что кажутся читателю хорошими знакомыми, хотя их трудно назвать заурядными людьми. Просто в каждом обычном человеке писатель замечает именно те черты, которые поднимают его до уровня героя литературного произведения.

Герои Довлатова – интеллигенты – шестидесятники, ощущающие абсурдность советской действительности (“Чемодан”), русские эмигранты, живущие в Америке (“Иностранка”), заключенные в лагере, которых охранял восемнадцатилетний Довлатов солдат срочной службы (“Зона”).

К своим героям писатель относится с нескрываемым сочувствием и мягкой иронией. Талант Довлатова – юмориста особенно проявился в эмиграции, хотя жизнь эмигранта не давала много поводов для веселья и шутки. Чувство юмора и ироничность Довлатова определили и выбор им любимого жанра – анекдота, ведь известно, что всегда и во все времена человеческий юмор выживал в тяжелых условиях, когда уходил в анекдот. Это понимал и великий Чехов, который дебютировал в литературе небольшими юмористическими рассказами и сценками, хотя Чехову – студенту, вынужденному заботиться о семье, было тогда не до смеха.

Простота, изысканность и одновременно доступность прозы Довлатова, любовь к малому жанру приближают его к Чехову.

Жанр анекдота в русской литературе имеет глубокие корни. Он появился задолго до Чехова, фактически с оформлением русской прозы. Анекдотами увлекались и Пушкин (“Пиковая дама”, “Повести Белкина”) и Гоголь (“Ревизор”, “Нос”) и Салтыков-Щедрин (“Сказки”). Особенно бурно жанр анекдота расцвел в начале XX века, когда на пике популярности было творчество “короля” и “королевы” русского юмора – Аверченко и Тэффи. Но Довлатову ближе всех был Чехов, особенно ранний, автор “Хамелеона”, “Смерти чиновника”, “Толстого и тонкого”. “Можно благоговеть перед умом Толстого, восхищаться изяществом Пушкина, ценить нравственные поиски Достоевского, юмор Гоголя и так далее. Однако похожем мне хочется быть только на Чехова” – пишет Довлатов в “Записных книжках” (6;28). Заслуга Чехова – новеллиста прежде всего в том, что он первый в русской литературе сделал анекдот полноценным литературным жанром. Анекдот очистился от бытовой шелухи, стал более изысканным и литературным, из просто смешного рассказа он вырос до сатирических обобщений.

Чеховский анекдот правдиво рисовал жизнь и показывал, по выражению самого писателя “насколько эта жизнь уклоняется от нормы” (11;39). В рассказах Чехова периода Антоши Чехонте одинаково смешны и нелепы представители разных сословий и профессий: мелкие чиновники, помещики, знатные дамы.

Но у Чехова почти всегда смешное переплетается с грустным, комическое с трагическим: Он – признанный мастер описывать “трагизм мелочей”, “нерсальность реального”, “ненормальность нормального”. По меткому замечанию В.Навокова “Главная мысль, которую внушают читателю чеховские герои – вот в чем: пока в России отсутствует настоящая нравственно-духовная и физическая культура, усилия благороднейших интеллигентов, которые строят мосты и школы рядом с вечной распивочной, будут тщетными (11;324). Эти слова можно всецело отнести и к героям Сергея Довлатова. Одна из причин его популярности на Западе как раз и состоит в том, что во многих его героях можно узнать тип чеховского интеллигента, идеалиста, беспомощного и трогательного существа, малоизвестного за границей и неспособного выжить в СССР. Такие люди любят мечтать, хотят изменить весь мир, но никогда не вступают ни в какие партии. Они часто суетятся, проявляют слабость и истеричность, упускают блестящие возможности преуспеть в этой жизни. Но за всем этим и у Чехова и у Довлатова звучит мысль о необходимости существования таких людей. И Чехов и Довлатов не слишком любят сильных и мужественных героев, им ближе тип мягкого, доброго, нерешительного человека, чеховского интеллигента (Дымов в чеховской “Попрыгунье”, Алиханов в довлатовских циклах “Зона” и “Заповедник”).

С чеховским желанием “восстановить норму” перекликаются слова Довлатова, написанные им в письме к американскому издателю: “Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы. Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стояло ощущение надвигающегося абсурда, когда везумие становится более или менее нормальным явлением. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда” (7;127).

Довлатову была особенно близка цель чеховского юмора – не просто вызвать смех, но и заставить задуматься. Без этой черты юмор в литературе рискует превратиться в обычное выговое смеяхчество. Смех Чехова – это и лекарство, и отдых, и оружие, но чаще всего это смех сквозь слезы. Смеясь над глупым Червяковым (“Смерть чиповника”), пал трусливым подхалимом Очумеловым (“Хамелеон”), читатель по сути смеется над собой и своими пороками, главные из которых – страх перед властью имущими, раболепие.

Все это позволяет утверждать, что именно Довлатову удалось более других в XX веке преуспеть в чеховской манере осваивания анекдота: как самостоятельного литературного произведения, хотя гораздо раньше подхватили эту манеру Зощенко, Ильф и Петров. По мнению современного критика Ефима Курганова “Довлатов в отличии от Чехова преодолевает литературность анекдота и возвращает его в реальность, но после тщательной обработки” (9;26). Но не только в этом, на наш взгляд отличие чеховского анекдота от довлатовского. Анекдотические истории Довлатова – это чаще всего рассказы о жизни самого автора и его близких, то есть элемент вымысла у Довлатова кажется значительно сниженным.

Конечно, сюжеты многих рассказов явно придуманы автором, который вживляет в них себя и своих друзей, но тем не менее правдоподобие и психологическая достоверность – главные их черты. Жанр анекдота в прозе Сергея Довлатова становится своеобразным мемуарным анекдотом, причем воспоминания писателя тем ярче, чем дальше он отдалается от родного города – Ленинграда.

Два мира в центре внимания Довлатова- писателя – Советский Союз и Америка, два города – Ленинград и Нью-Йорк.

Способ изображения советской жизни у Довлатова отнюдь не советский, как и не американским является способ изображения американской жизни. “ Я жил не в Америке, - замечает писатель, - я жил в русской колонии, какие уж тут американские сюжеты” (4;50). Довлатов с тонкой иронией описывает жизнь бывших советских людей в Америке, но все эти люди для него родные, например, молодая женщина Маруся, которая никогда не теряет неистребимого жизнелюбия (“Иностранка”).

Довлатов, как и Чехов – великий мастер описывать детали. Подробно останавливаясь на какой-нибудь детали, предметах, Чехов предлагает своим читателям самим дополнить образ, то есть подключается читательское воображение и фантазия. Пристальное внимание к деталям позволяет Чехову отказаться от многих шаблонных приемов литературного прошлого, в частности, от длительных описаний.

Так, например, в рассказе “Июнь” ему не нужно подробно и долго рассказывать, что героиня плохо играет на рояле. Достаточно отметить, что она упрямо была по клавишам.

Таким же вниманием к незначительным на первый взгляд деталям и предметам отличается проза Довлатова, особенно, конечно, его “Чемодан”. С чемоданом у писателя ассоциируется все то необходимое, что нужно человеку в этой жизни, а по сути человеку нужно для поддержания существования лишь то, что может поместиться в небольшой чемодан, что он может всегда носить с собой. Этот чемодан пригодится и тогда, когда человек отправится в последнее путешествие. “И пойду я через опущенный мне срок к другим воротам. И будет у меня в руках дешевый американский чемодан. И услышу:

- С чем ты к нам пожаловал?

- Вот,- отвечу, - смотрите. И еще я скажу:

- Недаром любая, даже малосерьезная книга имеет форму чемодана”(5;123)

И еще одно роднит Довлатова с так любимым им Чеховым. Это – краткость. Краткость и талант были для Чехова-новеллиста синонимами, так как он стремился немногими словами на нескольких страницах сказать много. По мнению Чехова сложность и витиеватость описаний затрудняют восприятие художественного текста читателем, заслоняют от него главное, рассеивая его внимание “Искусство писать состоит в искусстве зачеркивать плохо написанное” утверждает Чехов.

Довлатовская проза так же проста и доступна для массового читателя. Не случайно И.Бродский признавался, что Довлатов – единственный современный прозаик, которого он всегда дочитывает до конца (8, 202). Правда, порой Довлатов пытается отойти от этой чеховской краткости. Это одна из причин того, что его небольшие новеллы соединены в пиклы и между ними протянута соединяющая нить.

И последнее. Двигателем действия в рассказах и Чехова и Довлатова чаще всего является виртуозно построенный диалог. Все нами сказанное позволяет утверждать, что творчество Сергея Довлатова находится в русле традиций классической русской литературы. И в то же время его произведения зеркально отражают русское общество последних лет существования СССР.

Ամփոփում

Հողվածի նպատակն է ընդգծել կապը նրգիծարան Սերգեյ Դովլատով ստեղծագործությունների և Ա.Պ.Չեխովի վաղ ստեղծագործությունների միջև: Երկու գրողների վաստակը նրանում է, որ նրանք դարձրել են աննկդոտը լիակատար գրական ժանր՝ հասարակ երգիծական պատմվածքից վեր ածելով սատիրական ընդհանրացման:

Եվ Չեխովի, և Դովլատովի պատմվածքներին հատուկ է կարճությունը, ուշադրությունը մանրուքներին, երկխոսության վիրտուոզ շարահյուսությունը:

Ի հայտ են գալիս արձակի այն հատկանիշները, որ հատուկ են Դովլատովին և տարբերում են նրան Չեխովից, ավելի շուտ նրանով, որ ավելի հատուկ են ԽՍՀՄ-ի գոյության վերջին տարիների հասարակության իրական կյանքին:

Резюме

Целью статьи является подчеркивание связи творчества юмориста Сергея Довлатова и раннего творчества А.П.Чехова, Заслуга обоих авторов заключается в том, что они превратили анекдот в полноценный литературный жанр, переведя его из юмористического рассказа в сатирическое обобщение.

Рассказам и Чехова, и Довлатова свойственны краткость, внимание к деталям, виртуозное владение диалогом.

Литература

1. Чехов А.П., Рассказы, М., 1991.
2. Довлатов С.Д., “Заповедник”, М., 1998.
3. Довлатов С.Д., “Зона. Записки надзирателя”, М., 1993.
4. Довлатов С.Д., “Иностранка”, М., 1999.
5. Довлатов С.Д., “Чемодан”, М., 1998.
6. Довлатов С.Д., “Записные книжки”, М., 1998.
7. Бялый Г.Г., Русский реализм от Тургенева до Чехова, М., 1990.
8. Бродский И., О Довлатове, СПб, 1992.
9. Курганов Е., Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе, СПб, М., 1996.
10. Мориа А., Россия встречается с Америкой. Слияние двух культур в произведениях С.Довлатова, М., 1996.
11. Набоков В., Лекции по русской литературе, С.Петербург, 1997.